Г65 18/655

Г65 18/655
49197
XV-221

Н. А. ТУРГЕНЕВЪ.

ДРУЗЬЯ-ВРАГИ
ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНЫ.

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНІЕ М. К. ИВАНОВСКАГО
Ср. Подъяческая, д. № 5.

ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія П. А. ФЕДОТОВА, Ср. Подъяческая, 5.
1914.

Г65 18/655

Н. А. ТУРГЕНЕВЪ.

ДРУЗЬЯ—ВРАГИ

Эпизодъ изъ Послѣдней Войны.

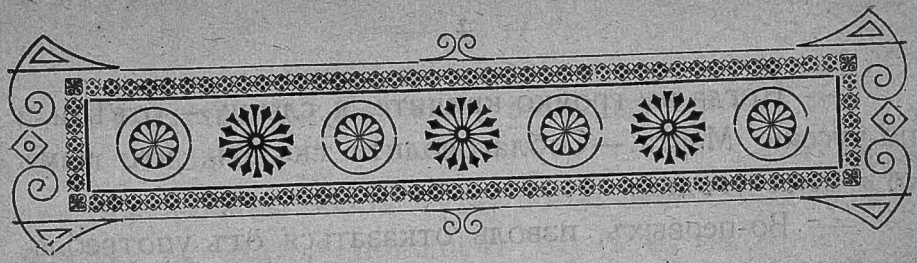
ИЗДАНІЕ
М. К. ИВАНОВСКАГО
Петроградъ, Ср. Подъяческая, д. № 5.

90/

ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія П. А. ФЕДОТОВА, Ср. Подъяческая, 5.
1914

нет

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
608923. V
М



ДРУЗЬЯ—ВРАГИ

(эпизодъ изъ послѣдней войны).

Марта, въ чемоданъ ты положишь только такія вещи, которыя ничѣмъ рѣшительно не напоминаютъ объ ихъ русскомъ происхожденіи, тѣ, происхожденіе которыхъ несомнѣнно наше нѣмецкое,—приказывалъ Карлъ Зигльштейнъ своей дочери, употребляя вперемежку русскія слова съ нѣмецкими.

Марта молчала, продолжая нехотя перекладывать съ мѣста на мѣсто свое бѣлье. Ей не хотѣлось уѣзжать не только изъ Россіи въ невѣдомую ей Пруссію, на чемъ настаивалъ упорно отецъ, но и съ дачи въ Петербургъ; настоятельной необходимости въ этомъ она не видѣла, а на дачѣ теперь было такъ хорошо.

— Ты меня слышишь, Марта?—возвысилъ голосъ Карлъ Зигльштейнъ.

— Когда вы громко кричите, я слышу,—отвѣтила по-русски Марта.—Соблаговолите сказать, что вамъ отъ меня угодно.

— Во-первыхъ, изволь отказаться отъ употребленія русскаго языка и привыкай говорить на своемъ родномъ языкѣ, нѣмецкомъ.

— А во-вторыхъ, съ какой это цѣлью?—шутливо и все также по-русски спросила Марта.

— А во-вторыхъ, не изволь шутить, когда я говорю съ тобой серьезно.

— Хорошо.

— И не перебивай, пока я не кончилъ.

— Хорошо. Продолжайте.

— Я о вещахъ говорю, которыя мы возьмемъ съ собой туда, въ наше прусское имѣніе, говорю...

— А вы все-таки не отказываетесь отъ намѣренія поѣхать туда?

— Не отказываюсь и не откажусь,—категорически заявилъ Карлъ Зигльштейнъ.—Поэтому я и говорю: въ чемоданъ, что мы возьмемъ съ собой, сложи только тѣ вещи, которыя изготовлены не здѣсь, а заграницей. Понимаешь?

— Понимаю. А въ чемъ заключается цѣль этого предпочтенія заграничнаго русскому?

— Глупая... Ѣдучи въ Пруссію, мы должны стать прусскими патріотами.

— Трудненько... Легче и выгоднѣе отказаться отъ этой поѣздки.

— Мы должны ѣхать туда, понимаешь, должны! Не можемъ не ѣхать,—подошелъ отецъ и, наклонясь черезъ плечо дочери, понизилъ голосъ почти до шопота,—иначе наше имѣнье можетъ—тю-тю! А оно, ни много, ни мало, стоитъ намъ 19 тысячъ марокъ. Девятнадцать тысячъ германскихъ марокъ!—повторилъ онъ уже громко.—Его могутъ секвестровать, если мы останемся здѣсь, не возвратимся на родину.

— Наша родина здѣсь, папа; вы родились въ Ригѣ, а я—въ Петербургѣ.

— И тѣмъ не менѣе, намъ необходимо ѣхать въ Германію, какъ германскимъ подданнымъ; не поѣдемъ по своей доброй волѣ, насъ могутъ выслать отсюда... по этапу. Этого ли тебѣ хочется? Наконецъ, тамъ Артуръ...

Артуръ, сынъ Карла Зигльштейнъ, и Марта являли собой третье поколѣнье германскихъ нѣмцевъ, безвыѣздно жившихъ въ Россіи. Ихъ дѣдъ сорокъ лѣтъ провелъ въ Россіи и никакъ не могъ, и не хотѣлъ, обрусѣть; противъ желанія научился кое-какъ говорить по-русски, потому что, къ его великой досадѣ, никто изъ русскихъ не хотѣлъ научиться говорить по-нѣмецки для того, чтобы говорить съ нимъ; онъ имѣлъ

въ Россіи и родныхъ, и друзей, и знакомыхъ, но умирать, все-таки, уѣхалъ въ свой фатерландъ.

Отецъ Марты родился уже въ Россіи и, вращаясь среди нѣмцевъ, обратился въ полу-русскаго, полу-нѣмца; но въ русское подданство, все-таки, не перешелъ. А когда въ прусской Польшѣ началась вакханалія принудительнаго отчужденія польскихъ земель для распродажи ея болѣе близкимъ сердцу кайзера прусскимъ юнкерамъ, т. е. на законномъ основаніи грабежъ однихъ для обогащенія другихъ,—онъ, Карлъ Зигльштейнъ, купилъ участокъ земли и завелъ на немъ хозяйство черезъ арендатора. По примѣру своего отца, умирать онъ также намѣревался поѣхать въ Пруссію, въ свое имѣнье.

Въ прямую противоположность сестрѣ, дѣвушкѣ прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ, ея братъ, Артуръ—тщедушный, бѣлобрысый, съ маленькими, какъ будто полинявшими глазами, и въ нравственномъ отношеніи, какъ говорится, оставлялъ желать многаго. Еще мальчикомъ, посѣщая школу, онъ, за его неказистый видъ и заносчивость, вызывалъ постоянныя насмѣшки товарищей; за это и онъ не чувствовалъ дружелюбнаго расположенія къ нимъ, а черезъ нихъ и ко всему русскому вообще. Протянувъ кое-какъ курсъ реальнаго училища въ Петербургѣ, онъ, по желанію отца, поѣхалъ для полученія дальнѣйшаго образованія въ Гер-

манію. Но въ Германіи Артуръ, съ одной стороны, испугался трудности получить серьезное высшее образованіе, а съ другой стороны, соблазнился блестящимъ, красивымъ видомъ офицерскаго мундира, получить который ему было много легче. И Артуръ Зигльштейнъ сталъ германскимъ офицеромъ. Отецъ его вначалѣ былъ очень недоволенъ такимъ поступкомъ сына, котораго онъ желалъ видѣть директоромъ какого-нибудь большого завода; а потомъ, взглянувъ на дѣло съ политической точки зрѣнія, нашелъ рѣшеніе сына тоже очень недурнымъ. Къ тому же и, послуживъ въ германской арміи, Артуръ можетъ возвратиться въ Россію.

По пріѣздѣ въ ближайшій къ ихъ имѣнію городокъ Марта не хотѣла оставаться въ немъ и одной минуты лишней; тогда какъ отецъ ея считалъ настоятельно необходимымъ провести въ этомъ городкѣ и недѣлю и двѣ, если будетъ нужно, чтобы показаться и властямъ и обществу. Вотъ, молъ, видите, какой я патріотъ.

— И тебѣ я очень совѣтовалъ бы послѣдовать моему примѣру,—сказалъ онъ Мартѣ.

— Не вижу въ томъ никакой надобности,—упрямо возразила Марта:—Я согласилась дѣлить съ вами скуку въ вашемъ прусскомъ имѣніи, а не притворство и ли-

цемѣріе передъ чиновниками и бюргерами для снисканія ихъ благосклонности.

— Эй, Марта, попридержи свой языкъ!—погрозилъ пальцемъ Карлъ Зигльштейнъ опасливо озираясь.— Здѣсь ты не въ Россіи. Особенно тебѣ много можетъ навредить твое русское произношеніе. Ты же не только говоришь, но и думаешь, какъ русская.

— Какъ человѣкъ, папочка, какъ человѣкъ, не лживый и сознающій свое человѣческое достоинство.

Карлъ Зигльштейнъ только пожалъ досадливо плечами.

Не прибыло патріотизма у Марты и въ имѣніи отца, очень понравившемся ей и по красотѣ и по уютности.

— Какъ дачка, премиленькій уголокъ!—сказала она, оглядывая окрестности съ веранды „дачки“.— Точь въ точь, какъ у насъ въ Стрѣльнѣ.

Марта не ошибалась, говоря, что ѣхала сюда скучать. Одна во всемъ имѣніи, если не считать старухи, прислуги, она или читала, или гуляла, не отходя далеко отъ дома, или мечтала, вспоминая Петербургъ и петербургскихъ друзей и знакомыхъ.

У какой молодой дѣвушки въ 18—20 лѣтъ сердце совершенно свободно. Даже тѣ изъ нихъ, которыя безжалостно обижены природой, непремѣнно вздыхаютъ и мечтаютъ о комъ нибудь. Несвободно было и сердце

Марты, и она мечтала и вздыхала о... русскомъ!.. Любовь не различаетъ національностей и не хочетъ считаться ни съ какими международными осложненіями.

Этотъ русскій, Павелъ Григорьевичъ Давидовскій, знакомъ былъ съ Мартою и ея семьей съ дѣтства; встрѣчался онъ съ нею и потомъ, когда проходилъ курсъ военнаго училища, и только съ небольшимъ за два года до войны, произведенный въ подпоручики, Давидовскій былъ назначенъ въ полкъ, квартировавшій въ одномъ изъ городовъ Царства Польскаго; нѣкоторое время они переписывались коротенькими, ничего незначащими письмами; а подконецъ, какъ-то незамѣтно для самихъ себя, и эту переписку бросили, не признавая зарождавшееся между ними чувство за серьезное.

Тревожное, предшествовавшее войнѣ, время пробудило начинавшее было глохнуть чувство; а вспыхнувшая война заставила ихъ сердца забиться горячѣе. И онъ, и она, точно сговорившись, задали себѣ вопросъ:

— Неужели эта война станетъ между нами непреодолимою кровавою стѣной?

„Гдѣ-то онъ теперь? повторяла мысленно Марта, ужасаясь при одномъ предположеніи, что и Давидовскій въ дѣйствующей арміи, ежесекундно подвергается опасности и долго еще, быть можетъ, будетъ стоять

лицомъ къ лицу съ этой опасностью... Изъ Петербурга она еще могла надѣяться узнать, и гдѣ онъ, и что съ нимъ; отсюда невозможно узнать ничего. И при мысли объ этомъ у ней закипала въ груди досада на отца за то, что онъ увезъ ее изъ Россіи, и слезы жалости къ самой себѣ застилали ей глаза.

Давидовскій, дѣйствительно, былъ въ дѣйствующей арміи, и полкъ, въ которомъ онъ служилъ, случайно находился поблизости имѣнія Карла Зигльштейнъ.

„Гдѣ-то они теперь, и самъ Карлъ Зигльштейнъ, и его достойный сынъ, и Марта—эта милая, правдивая дѣвушка? въ свою очередь, спрашивалъ самъ себя и Павелъ Григорьевичъ. Въ Петербургѣ или, какъ германскіе подданные, высланы оттуда?“

Имѣніе Зигльштейновъ находилось въ той части восточной Пруссіи, которая безъ боя была очищена отступившими нѣмецкими войсками. За исключеніемъ 2—3 польскихъ деревень, сожженныхъ отступавшими нѣмцами, здѣсь все осталось нетронутымъ; но въ ожиданіи русскихъ войскъ, казалось все опустѣвшимъ, точно вымершимъ. Оживленный въ мирное время, а теперь опустѣвшій, край этотъ производилъ особенно гнетущее впечатлѣніе своею мертвою тишиной.

Но скучавшая Марта не обращала на это ни малѣйшаго вниманія и, прогуливаясь, съ каждымъ разомъ уходила все далѣе и далѣе.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Марта зашла особенно далеко, не встрѣтивъ ни души. Вдругъ на поворотѣ, гдѣ шоссе огибало уголъ небольшой рощицы, она увидала идущаго ей навстрѣчу человѣка въ формѣ русскаго офицера, и у нея, какъ бы въ предчувствіи чего-то необычайнаго, тревожно сжалось сердце. Марта остановилась въ изумленіи: ей не то въ походкѣ, не то въ фигурѣ шедшаго почудилось что-то знакомое. И офицеръ съ неменьшимъ изумленіемъ всматривался въ лицо Мартѣ.

— Павелъ Григорьевичъ, вы! Васъ я вижу?—съ искренней и нескрываемой радостью вскричала Марта, вся вспыхивая.—Ахъ, какъ же я вамъ рада!.. Вы, значитъ, съ полкомъ здѣсь?

— Нѣтъ, вы-то, какъ вы-то здѣсь очутились?—пожимая обѣ руки молодой дѣвушки, въ свою очередь, спрашивалъ Давидовскій.—Никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь!..

— Отецъ привезъ меня сюда... вѣдь у него тутъ имѣнье... небольшое.

— Господи, какъ же вы отважились на такой рискъ? Уѣхали изъ Петербурга, отъ обычной спокойной жизни, и для чего? Вѣдь здѣсь теперь нѣтъ ничего легче, какъ попасть подъ выстрѣлъ! Да съ чего вашему отцу вздумалось уѣхать изъ Петербурга, не понимаю?

— Упрямство. „Я—германскій подданный, и долженъ быть въ Германіи, когда ей грозитъ опасность“,— вотъ его мотивъ.

— Похвальное чувство патріотизмъ, не спорю; но тутъ я его не вижу.

— Да не патріотизмъ и руководилъ имъ въ этомъ, а опасеніе, что наше имѣніе секвеструютъ.

— Ну, такъ и ѣхалъ бы онъ одинъ спасать свое имѣніе; васъ-то для чего было везти... А Артуръ, тотъ гдѣ?

— Артуръ съ полкомъ въ Бельгіи. Онъ, вѣдь, въ германской арміи... произведенъ въ офицеры.

— Вотъ какъ! Артуръ—офицеръ. А отецъ вашъ, помнится, готовилъ его на свое мѣсто. Ну, какъ онъ, возмужалъ, выросъ?

— Мало. Вы правы, военная служба—не его призваніе; но онъ... вы знаете его... вообразилъ, что онъ-то и есть настоящій военный... Ахъ, и рада же я вамъ!.. Да что мы тутъ стоимъ! Идемте, я вамъ покажу наше имѣніе и, кстати, напою васъ самымъ настоящимъ нѣмецкимъ кофе! Идемте.

— Немножко неудобно, но такъ и быть, идемте,— сказалъ Давидовскій, вспомнивъ вдругъ почему-то Андрея Бульбу.

— Встрѣчъ нежелательныхъ ожидать вамъ нѣтъ

основанія, потому что кругомъ ни души живой; пустыня пустыней.

— Я, видите ли, опасаюсь, чтобы вамъ не было непріятности за посѣщеніе васъ такимъ гостемъ, какъ русскій офицеръ.

— Ничего и мнѣ не будетъ, да и не узнаетъ никто. Зато какимъ вкуснымъ кофе я васъ напою—до самаго Петербурга такого не встрѣтите!

Они, продолжая оживленно разговаривать, пошли по направленію къ имѣнію Зигльштейна.

— А вы вспоминаете о Петербургѣ?—спросилъ, между прочимъ, Давидовскій.

— Скучаю, сильно скучаю по немъ. Здѣсь, вѣдь, все мнѣ чужое, незнакомое. Петербургъ—моя родина; тамъ я росла, училась; тамъ мои лучшія воспоминанія, друзья, знакомые. И я увѣрена, отецъ тоже скучаетъ по Россіи, душею живетъ тамъ, на родинѣ; только онъ не говоритъ этого вслухъ по вполнѣ понятной причинѣ, и ждетъ съ нетерпѣніемъ окончанія войны, чтобы вернуться въ Россію. Тихонько, про себя, онъ проклинаетъ виновниковъ войны; а вслухъ—кричитъ кайзеру «ура». Все это для того, чтобы не лишиться вотъ этого имѣнія; а лишите его надежды вернуться въ Россію, и онъ откажется отъ этого имѣнія, только бы вернуться на прежнее мѣсто... Посмотрите-ка, какой уютный, красивый уголокъ!—вдругъ, перебивая

сама себя, указала Марта на крошечный дворикъ съ садикомъ и цвѣтникомъ передъ верандою.—Совсѣмъ какъ у насъ въ Стрѣльнѣ!

Они поднялись на веранду, такую же крошечную, какъ и дворикъ; но чистенькую и уютную; отсюда видно было все имѣніе. Имѣніе было такое маленькое, скромненькое; благоустроенное, но, несмотря на это, оно производило впечатлѣніе бѣдности, ограниченности и какой-то вынужденной скупости. Казалось, каждый уголокъ, каждый предметъ заявлялъ обидчиво: „и мы хотѣли бы шири, простора, свободы, да тутъ не Россія, не очень-то развернешься“.

Упомянувъ о Стрѣльнѣ, Марта принялась передавать послѣднія петербургскія новости объ общихъ знакомыхъ. Давидовскій, внимательно слушая ее, въ то же время любовался ея оживленнымъ хорошенькимъ личикомъ. И увлеченные задушевною бесѣдою, молодые люди совершенно забыли о томъ, что они не въ Стрѣльнѣ, не въ Петербургѣ, а въ Пруссіи; что не вдалекѣ отъ нихъ стоятъ другъ противъ друга двѣ исполинскія арміи, приковавшія къ себѣ вниманіе всего міра, и что по общепринятому имъ тоже полагается быть врагами и ненавидѣть другъ друга.

И, мѣшая серьезное съ забавнымъ и припоминая разные случаи изъ ихъ петербургской жизни, они снова коснулись причинъ, побудившихъ Артура посту-

пить въ германскую армію. Марта порицала въ братѣ дурныя черты его характера; а Давидовскій старался смягчить ея обвиненія. Онъ не питалъ никакого хорошаго чувства къ Артуру, но старался быть снисходительнымъ къ нему.

— Ни къ кому, Марта Карловна, нельзя быть слишкомъ строгимъ и требовательнымъ,—говорилъ онъ тономъ старшаго брата,—потому что всѣ люди имѣютъ тѣ или другіе недостатки и всѣ нуждаются въ снисхожденіи.

— И у меня, по-вашему, есть недостатки?—засмѣялась шаловливо Марта.—Покорно благодарю. А я-то думала, что у меня никакихъ недостатковъ нѣтъ!

— По общему правилу, они должны быть и у васъ, только я, говоря по совѣсти, ихъ не знаю.

— Деликатничаете; какъ вы можете не знать мои недостатки, хорошо зная самое меня.

— Можетъ быть, самымъ большимъ вашимъ недостаткомъ является это отсутствіе недостатковъ? Серьезно. Человѣкъ безъ всякихъ недостатковъ какъ-то словно ужъ и негожъ... точно хорошо выбѣленная безконечная стѣна.

— И какъ такая стѣна, онъ долженъ быть страшно скученъ.

— Ну, вотъ, видите. А вы далеко не скучны; значитъ, имѣете недостатки.

— Конечно; я даже думаю, что и недостатки все крупные!—снова разсмѣялась Марта.

— Есть они и у васъ; но только я—тоже ихъ не знаю.

— О, у меня ихъ много!—разсмѣялся Давидовскій. —Главный же мой недостатокъ тотъ, что не будучи такимъ храбрымъ, какъ бы хотѣлось, я все-таки служу...

— Ой, нѣтъ, нѣтъ!—запротестовала серьезно Марта:—Еслибы вы не служили въ арміи, то можно было бы заподозрить васъ въ робости, въ эгоизмѣ... Нѣтъ, вы прекрасно поступаете, что служите, и... потомъ вамъ такъ идетъ офицерскій мундиръ!..—добавила она искренно, безъ малѣйшаго желанія польстить, и все же вся такъ и вспыхнула и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Давидовскій посмотрѣлъ на часы и сказалъ съ шутливой серьезностью, что срокъ его отпуска кончается; время вернуться къ командѣ.

Марта вздохнула.

—Когда-то мы снова встрѣтимся?—проговорила она, вдругъ ставъ грустной.—Скорѣе бы кончалась эта война... И развѣ не было никакихъ средствъ предотвратить ее?

— Это надо кайзера спросить,—улыбнулся Давидовскій.—Ни Россія, ни Франція, ни Англія не хотѣли этой войны.

— И подумать только, какой опасности вы ежеминутно подвергаетесь... Я много думала о васъ; а теперь...

Она не договорила, чувствуя, что готова расплакаться.

Растроганный Давидовскій обнялъ молодую дѣвушку и тихо проговорилъ ей:

— Милая... Я вѣдь давно знаю, что ты такъ же, какъ и я, горячо любишь меня; но не теперь думать о личномъ счастьѣ: долгъ службы для меня выше всего.

— Знаю... вѣрю... Но, знаете... знаешь; помнится, въ исторіи разсказывается случай, когда какой-то бой былъ предотвращенъ вмѣшательствомъ женщинъ, женъ воиновъ. Онѣ бросились своимъ мужьямъ на шею и не дали воевать. Почему бы и намъ, нынѣшнимъ женамъ, матерямъ, невѣстамъ, сестрамъ, не поступить такъ же?

— Невозможно, дорогая, невозможно; иныя нынче условія. Мы, военные, исполняемъ велѣнія свыше, а не личныя желанія; въ этомъ нашъ служебный долгъ. Предотвращать войну—дѣло правительствъ и дипломатовъ. Впрочемъ, настоящая война—такая война, что будь я передъ ея объявленіемъ въ отставкѣ—я поступилъ бы на службу и принялъ въ ней участіе, потому что недостойно порядочнаго человѣка оставаться постороннимъ равнодушнымъ зрителемъ ея въ то время,

Государств. публичная ИСТОРИЧЕСКАЯ библиотека

когда всѣ другіе борются за попранныя право и справедливость. Эта война—война съ тяготѣвшимъ десятки лѣтъ надъ всею Европой милитаризмомъ, война войнѣ. Какъ ни ужасна она, но она должна была рано ли, поздно ли разразиться; и, пожалуй, лучше, что началась теперь; потомъ она была бы еще ужаснѣе.

Слушавшая не спуская глазъ съ Давидовскаго, Марта вскочила и, схвативъ его руку, горячо, по-мужски пожала ее.

— Милый, я горжусь тобой!—восторженно воскликнула она.

И, вдругъ попятившись испуганно, она вся поблѣднѣла и прошептала чуть слышно:

— Артуръ... братъ...

Она не могла не понимать, что встрѣча ея гостя съ Артуромъ неизбѣжна и не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Вдругъ у нея блеснула мысль пойти брату навстрѣчу и тѣмъ предотвратить ихъ столкновеніе, давъ Давидовскому уйти прежде, чѣмъ его замѣтитъ Артуръ. Но было уже поздно: Артуръ былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ веранды и, замѣтивъ сестру, махалъ ей фуражкой въ знакъ привѣтствія.

Павелъ Григорьевичъ оставался на мѣстѣ и былъ спокоенъ, хотя и не былъ увѣренъ, что Зигльштейнъ явился одинъ. Онъ, конечно, не боялся встрѣчи съ противникомъ, хотя бы тотъ былъ и не одинъ; но его

не могла не смущать мысль, что вполнѣ возможное столкновеніе и, быть можетъ, употребленіе въ дѣло оружія должны будутъ произойти на глазахъ у Марты. Не видѣлъ онъ ничего хорошаго и въ томъ, что ему предстоитъ скрестить оружіе съ врагомъ на верандѣ, а не въ открытомъ полѣ.

— Здравствуй, сестра!—дѣланно воскликнулъ Артуръ, поднявшись по ступенькамъ на веранду и протягивая къ ней руки, какъ бы для того, чтобы заключить ее въ свои объятія.

И вдругъ, съ еще большей театральностью отпрянувъ назадъ, онъ воскликнулъ:

— Ба! А это что?! Да ты съ ума сошла, моя милая! У тебя гость, гость—офицеръ изъ вражескаго стана!.. О-о!..

— Это—нашъ, твой и мой, Артуръ, хорошій знакомый по Петербургу,— кротко и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возразила Марта.

— Никакого Петербурга я знать не хочу, чортъ его подралъ! Что ты мнѣ тычешь имъ въ лицо.

И повернувшись на каблукахъ къ сестрѣ спиной, онъ нахальнымъ взглядомъ смѣрялъ Давидовскаго съ ногъ до головы. Говорилъ онъ, конечно, все время по-нѣмецки, тогда какъ его сестра возразила ему на чистомъ русскомъ языкѣ.

Ну-съ, а съ вами какъ мнѣ поступить?—проговорилъ онъ, обращаясь къ Давидовскому.

— По моему прежде всего перестаньте ломаться, это совершенно ни къ чему; я знаю, что вы такое не со вчерашняго дня, и думаю, что война Россіи съ Германіей не дала вамъ того, въ чемъ отказала природа,—съ презрительной улыбкой возразилъ Давидовскій, глядя на пѣтушившагося нѣмчика сверху внизъ.

Артуръ вдругъ позеленѣлъ весь; губы его задрожали отъ злости, и онъ, сдѣлавъ два шага по направленію къ Давидовскому, уже какимъ-то несвоимъ голосомъ вскричалъ:

— Какимъ образомъ вы дерзнули, я васъ спрашиваю, явиться подъ кровъ моего отца? Съ какой цѣлью?..

— Объ этомъ, Артуръ, спрашивай меня,—попробовала успокоить брата Марта.

Но разошедшійся Зигльштейнъ только рукой махнулъ въ ея сторону.

— Имѣйте въ виду, что къ моимъ услугамъ вотъ тутъ же, подъ рукой отрядъ храбрыхъ солдатъ арміи его величества, и я, арестовавъ васъ, доставлю васъ живымъ въ полкъ, какъ шпіона...

— Тогда зачѣмъ-же дѣло стало? Ну, а я, на вашемъ мѣстѣ, предпочелъ бы самъ лично свести счеты

со своимъ врагомъ, чѣмъ пугать его миѳическимъ отрядомъ.

Это, что называется, попало не въ бровь, а прямо въ глазъ. Предполагавшій своей напускной смѣлостью и напоминаніемъ объ отрядѣ храбрыхъ солдатъ напугать русскаго офицера, Зигльштейнъ теперь ясно увидѣлъ, что промахнулся и что надо искать выхода изъ глупаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Но онъ все еще не хотѣлъ отступать со стыдомъ.

Вы меня принимаете за труса?! Да?..—взревѣлъ онъ изъ всѣхъ силъ.—Такъ я васъ научу уважать офицера доблестной германской арміи!..

И обнаживъ шашку, Артуръ ринулся съ нею на стоящаго спокойно Давидовскаго. Марта, зорко слѣдившая за всѣми его движеніями, преградила ему дорогу, и было видно, что храбрый подпоручикъ доблестной германской арміи ровнешенько ничего не имѣлъ противъ вмѣшательства сестры; онъ предпочелъ сдѣлать видъ, что только „непреодолимое“ препятствіе не дало ему положить врага на мѣстѣ.

— Здѣсь, г. Зигльштейнъ, невозможно вамъ, какъ видите, проявить всю вашу храбрость, и потому я предлагаю вамъ для этого избрать другое, болѣе удобное мѣсто,—насмѣшливо замѣтилъ Давидовскій.

— Я не хочу съ вами драться, потому что это ниже моего достоинства.

— О, да вы, почтеннѣйшій, не только нахальны и трусливы, а и подлы еще вдобавокъ,—не прочь свалить вину свою на другихъ!—рѣзко, не вытерпѣвъ дерзкой фразы, возразилъ Павелъ Григорьевичъ.—Съ трусомъ и подлецомъ я тоже не считаю возможнымъ драться.

— Посмотримъ, что вы заговорите, когда явятся сюда мои люди арестовать васъ,—пропустивъ безъ возраженія послѣднія уничтожающія слова Давидовскаго, проговорилъ какъ бы про себя Артуръ.

Никакихъ солдатъ „подъ рукой“ у него не было, и если онъ еще разъ заговорилъ о нихъ, то уже, повидимому, для того лишь, чтобы замаскировать хоть чѣмъ-нибудь свое бѣгство съ веранды. Но пока онъ налаживалъ себѣ отступленіе, въ голову ему пришла новая „счастливая“ мысль.

— Черезъ нѣсколько минутъ конвой будетъ здѣсь... —все такъ же какъ бы самъ съ собой говорилъ Зигльштейнъ.—Или вы сочтете за лучшее не ожидать здѣсь конвоя?—спросилъ онъ Давидовскаго, придавая своему тону возможно болѣе язвительности.

— Нѣсколько минутъ согласенъ ждать, но не болѣе получаса. Идите за вашимъ конвоемъ.

— Прекрасно, прекрасно!—уже уходя, замѣтилъ Артуръ.

— Вѣдь онъ подкараулить васъ... тебя хочетъ; затѣмъ и пошелъ...—съ тревогой зашептала Марта, какъ только братъ ея скрылся изъ глазъ.—Вѣдь, не будешь же ты, въ самомъ дѣлѣ, ожидать его возвращенія здѣсь!

— За меня, Марта, не безпокойся: живой въ руки не дамся, и изъ-за угла меня трудно подстрѣлить. Я о тебѣ думаю; тебѣ не сталъ бы онъ мстить. Какъ мнѣ тебя, беззащитную, оставить? Скажи—для того, чтобы оградить тебя отъ опасности, ты позволишь поступить съ нимъ, какъ мнѣ заблагоразсудится?

— Не надо, милый, не надо!—взмолилась Марта.—Мнѣ онъ не посмѣетъ ничего сдѣлать; я жду, скоро вернется отецъ, а при немъ Артуръ не только не посмѣетъ сдѣлать что либо дурное мнѣ; но онъ ни однимъ словомъ не проговорится и о встрѣчѣ: похвастаться тутъ нечѣмъ.

— И все-таки, при первой возможности уѣзжай въ Россію, къ себѣ домой... Уѣдешь? Тамъ мы будемъ переписываться.

Онъ далъ ей адресъ: № полка, и, обнявъ и расцѣловавъ ее, какъ невѣсту, отправился къ своему

бивуаку, всего менѣе думая объ устроенной Артуромъ засадѣ.

И не успѣлъ Давидовскій отойти нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ веранды, гдѣ стояла, провожая его глазами, Марта, какъ грянулъ выстрѣлъ; это стрѣлялъ по немъ подпоручикъ Зигльштейнъ. Марта, вскрикнувъ несвоимъ голосомъ, бросилась къ своему жениху; но черезъ секунду измѣнила намѣреніе и направилась туда, гдѣ, по ея предположенію, сидѣлъ въ засадѣ Артуръ. Но прежде чѣмъ она добѣжала до него, раздался второй выстрѣлъ. Она обернулась и начала искать глазами удалявшагося Давидовскаго, но его уже не было видно...

Какъ молнія, пронизала ей мозгъ ужасная мысль, что ея женихъ, сраженный пулей, упалъ и истекаетъ кровью...

— Убійца, извергъ!—закричала она, кидаясь на брата. Неожидавшій ни такой отваги со стороны сестры, ни быстроты, съ какою та кинулась на него, Артуръ въ первую минуту до того растерялся, что даже и не подумалъ защищаться. Минута времени—и револьверъ Артура былъ въ рукахъ Марты. Еще минута—и раненый въ плечо офицеръ „доблестной“ нѣмецкой арміи лежалъ въ ногахъ бившейся въ истерикѣ Марты.

До выстрѣла, которымъ мстительный нѣмецъ думалъ угостить подпоручика Давидовскаго, голова этого

послѣдняго полна была Мартою и ничего другого не хотѣла въ себя вмѣщать. Выстрѣлъ вернулъ молодого человѣка къ дѣйствительности; онъ обругалъ себя мысленно за то, что оставилъ хлыща Зигльштейна цѣлымъ и невредимымъ, забывъ всѣ условія и время встрѣчи. Небольшая, безспорно, заслуга пристрѣлить тщедушнаго Артура, но и щадить его не значитъ быть великодушнымъ или брезгливымъ. Обезвредить его, во всякомъ случаѣ, было необходимо. И Давидовскому снова вспомнился Андрей Бульба.

„Женщины кому хочешь вскружатъ голову, и потому—вонъ ихъ изъ памяти на все время войны!“ рѣшительно сказалъ онъ самъ себѣ и кружнымъ путемъ направился туда, гдѣ долженъ былъ скрываться Зигльштейнъ.

Это было деревянное небольшое зданіе, въ родѣ навѣса, подъ которымъ стояли экипажи, земледѣльческія орудія, бочки, кадки и т. п. скарбъ.

Раненый сестрою Артуръ, теперь уже безъ всякой дѣланности и не обращая вниманія на сестру, сидѣвшую въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи,—старался перевязать хорошенько свою рану, когда подошелъ къ нему Давидовскій. Увидѣвъ передъ собою своего противника, онъ заметался отчаянно, схватилъ лежавшую возлѣ него шашку и, вскочивъ, приготовился защи-

щаться, теперь уже, повидимому, не для рисовки, а совершенно серьезно.

Но и Давидовскій болѣе не шутилъ; выбивъ шашку изъ рукъ Артура, онъ проговорилъ:

— Вамъ это, милѣйшій, теперь болѣе не нужно. Извольте слѣдовать за мной; вы—мой плѣнникъ.

Зигльштейнъ, взглянувъ съ ненавистью въ глаза Давидовскому, злобно скрипнулъ зубами и, понурясь и пошатываясь, пошелъ къ выходу изъ-подъ навѣса.

— Прощай, сестра!—крикнулъ онъ все еще неподвижной Мартѣ.—Буду живъ, такъ я еще посчитаюсь съ тобой... измѣнница!..

— А я заставлю тебя прикусить языкъ, если ты позволишь себѣ еще хоть одно дерзкое слово!—оборвалъ его Давидовскій.—Ну, маршъ впередъ! До свиданія, Марта Карловна! Надѣюсь, мы еще увидимся съ вами. О немъ не безпокойтесь—указалъ онъ на Артура, не желая назвать его ея братомъ:—доставлю невредимымъ на родину. Прощайте.

Услыхавъ звукъ выстрѣла оттуда, куда ушелъ Давидовскій, его сослуживецъ Анжеевъ вскочилъ, поправилъ на бѣгу свою шашку, скомандовалъ: „за мной, ребята!“ и бросился въ сторону выстрѣла.

Минутъ десять спустя, увидѣвъ издали Давидовскаго и тащившагося передъ нимъ Артура, Анжеевъ остановилъ солдатъ и, приложивъ рупоромъ руки ко рту, крикнулъ:

— Добыча?

— Да,—отвѣчалъ тотъ.—Неважная, правда, зато землякъ—петербуржецъ.

— Фи, какой плюгавый!—презрительно, сквозь зубы, произнесъ Анжеевъ, взглянувъ мелькомъ на преувеличенно съежившагося Зигльштейна.—Сѣровъ, Кузьминъ! возьмите, конвоируйте плѣннаго... да, смотрите, безъ грубостей, добавилъ онъ вполголоса.—Гдѣ вамъ, Павелъ Григорьевичъ, попался такой... слюняй?

Давидовскій подробно объяснилъ все происшедшее въ усадьбѣ Зигльштейна.

— Такъ барышня одна-одинешенька и осталась тамъ? Почему же вы и ее не пригласили съ собой?

— Откровенно говоря, счелъ неудобнымъ...

— Но и оставить ее одну, подвергая всякимъ случайностямъ, какъ хотите, тоже неудобно. Пишите-ка записку; пошлемъ туда человѣка, онъ ей укажетъ дорогу къ намъ. А тамъ мы ее, вмѣстѣ съ плѣннымъ,

отправимъ въ штабъ, откуда ей ничего не будетъ стоить уѣхать и въ Петербургъ.

— Идея!—одобрилъ планъ Анжеева Давидовскій и началъ писать записку Мартѣ.

Въ это время откуда-то донеслись одинъ за другимъ два выстрѣла. Всѣ насторожились и стали прислушиваться; а Зигльштейнъ мигомъ оживился и такъ и заерзалъ, почуявъ въ стрѣлявшихъ своихъ избавителей.

— Вы не кобяньтесь, ваше благородіе, стойте смирно; а то моего приклада, пожалуй, попробуете,— успокаивалъ его Кузьминъ и тутъ же добавилъ тихонько, такъ чтобы не слыхалъ Анжеевъ:—„нѣмецкая морда“!

— Онъ думаетъ: всполхватятся тамъ, гдѣ такой-то, да и бросятся искать его и спасать!—засмѣялся Сѣровъ.

— Послушай, Кузьминъ,—началъ льстиво-льстиво Зигльштейнъ,—послушай...

Но Кузьминъ не „послушалъ“ его. Услыхавъ, что плѣнный говоритъ по-русски, онъ (да и Сѣровъ тоже) пришелъ въ большое недоумѣніе и обратился за разъясненіемъ къ подпоручику Давидовскому. И когда тотъ сказалъ, что Зигльштейнъ родился и выросъ въ Россіи, то Кузьминъ засмѣялся:

— Только вышелъ неудачный! Это бываетъ...

— Ну, такъ его повѣсятъ, какъ измѣнника,— замѣтилъ Сѣровъ.—За такія штуки, гдѣ хошь, по головкѣ не погладятъ.

— Я думаю!.. Кормиться, наживать деньги—въ Россію, а воевать, такъ за Германію, противъ Россіи!... Нечего сказать, хорошъ гусь!

— Вѣдь, поди, и отецъ и мать тоже есть...

— Если въ Россіи, такъ и тѣхъ на висѣлицу: не посылайте сына воевать противъ Россіи. Въ Россіи живешь и кормишься отъ нея, такъ за нее, а не за нѣмцевъ, и воевать иди. А то что же это будетъ? Нѣмчуры этой самой у насъ расплодилось видимо-невидимо, да если всѣ объявятся измѣнниками, такъ и веревокъ не наберешься ихъ всѣхъ перевѣшать!

Артуръ, слушая весь этотъ разговоръ, былъ блѣденъ, какъ полотно. Зная, какія звѣрства совершаются надъ плѣнными въ Германіи, онъ,—самъ, по робости, далеко не жестокій и не кровожадный,—не ждалъ пощады и для себя; разговоръ Кузьмина съ Сѣровымъ еще болѣе убѣдилъ его въ томъ. Собравшись съ духомъ, онъ возразилъ имъ упавшимъ голосомъ:

— Меня нельзя обвинять въ измѣнѣ, потому что я германскій подданный.

— Такъ тебѣ и станутъ разбирать, какой ты подданный!—проговорилъ увѣренно Сѣровъ.—А накинутъ петлю на шею да вздернутъ, и иди потомъ, доказывай, чей ты подданный, нашъ или нѣмецкій.

Это еще болѣе убѣдило Зигльштейна въ неизбѣжности для него казни, и онъ, утративъ всякую способность разсуждать, ухватился за соломинку утопающаго.

— Братцы!—взмолился онъ:—мой отецъ богатый человѣкъ; онъ вамъ дастъ тысячу рублей, если вы меня отпустите... По тысячѣ обоимъ, только отпустите!..

Солдаты смотрѣли на него и презрительно улыбались.

— А еще офицеръ!—проговорилъ послѣ минутнаго молчанія Кузьминъ, плюнувъ, и отвернулся.

Между тѣмъ, выстрѣлы повторились, частые и нестройные.

— Разъѣздъ,—сказалъ Анжеевъ.—Надо подождать его. Если безтолково и безъ надобности стрѣляютъ, то опасаться встрѣчи съ ними нечего: это или трусы, или дураки, что одно и то же.

Вскорѣ показался и разъѣздъ. Замѣтивъ русскихъ, онъ направился было прямо на нихъ, и нашъ отрядъ приготовился уже къ встрѣчѣ его; но саженъ за

двѣсти, давъ безцѣльный залпъ по нашимъ, нѣмцы круто повернули влѣво, къ имѣнію Зигльштейна. Анжеевъ съ отрядомъ продолжали свой путь.

Полчаса спустя усадьба Зигльштейна пылала въ огнѣ; а Марта... Марта стала жертвою разнузданнаго звѣрскаго инстинкта „культурныхъ“ марсовъ „доблестной“ германской арміи.—Огонь долженъ былъ скрыть слѣды гнуснаго преступленія.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА